

Протоиерей Михаил Дронов

Кандидат богословия, руководитель Международного Центра Библейской и патристической традиции, настоятель русской православной общины во Фрейбурге, Берлинской епархии Московского Патриархата

НЕИЗВЕСТНЫЙ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ»

Советская археография и её заслуга перед медиевистикой

Возникновение археографии в России связывают с В.Н. Татищевым (1686–1750), а в Европе — с гуманистами XV–XVI веков. Именно в эти эпохи, там и там соответственно, началась подготовка к изданию исторических памятников и документов. С самого начала археография с разрабатываемыми ею правилами издания рукописных памятников, включающими сравнение разночтений, изучение истории текста и выбор наиболее достоверных вариантов, рассматривалась в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Научное издание исторических документов особенно расцвело с начала XIX в. Опубликованный в 1855 г. «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого — это пример добротного изданного памятника с учётом разночтений в доступных рукописях.

Археография в советское время — это совершенно особая страница в истории российской гуманитарной науки. Жёсткий контроль марксистско-ленинской идеологии распространился на все сферы общественной жизни. Считалось, что наука, а тем более, историческая, может быть только партийной. Понятно, что партийность, любая иная, чем коммунистическая, физически истреблялась как враждебная. Что касается древнерусской литературы, то для построения коммунистического общества её изучение вообще было признано излишним.

Только в послевоенное время в конце 40-х годов начался осторожный возврат дореволюционных культурных достижений. Тогда же в исторические исследования стала возвращаться древнерусская тематика. Правда, в 40-х — 60-х годах речь могла идти только об изучении «классовой борьбы в феодальную эпоху». Сама по себе история Русской Церкви, равно как и церковная проблематика в древнерусской литературе в этот период в официальной науке не допускались. Историкам, интересующимся именно этими вопросами, не оставалось ничего иного, как только подчиниться «линии партии» и заняться псевдоисторией, обслуживающей коммунистическую идеологию.

Можно было, правда, сосредоточиться на вспомогательных исторических дисциплинах, в частности, на археографии. Ведь компетентный археографический труд может быть использован не только в «историческом материализме», но с не меньшим успехом и в любой иной интерпретации истории. Так археографическое исследование древнерусских памятников в силу одной только

своей «дополнительности» выпало из прямого идеологического диктата. Это и спасло от деградации многих учёных и даже позволило им существенно продвинуть вперёд отечественную медиевистику.

Альтернатива «партийной» науке

В советское время лишь инструментальные отделы исторической науки, такие, как, археография и палеография, ещё могли составлять неофициальную альтернативу «истмату». Понятно, что их внутренняя автономность была скорее желаемой, чем действительной. В послевоенное время у официальной марксистско-ленинской истории, однако, всё же появилась и вполне легальная «внешняя» альтернатива. Имеются в виду православные духовные академии в Москве и Ленинграде, где помимо чисто богословских предметов преподавалась также история, в том числе русская. Более того, диссертации в них защищались и по историческим темам. В Советском Союзе это была единственная легальная возможность заниматься наукой вне рамок «исторического материализма», господствовавшего тогда в качестве «единственно верного, подлинно научного» учения.

«Экстерриториальность» церковно-исторической науки по отношению к тогдашнему засилью марксизма-ленинизма ставила ее, однако, не только вне государственного образования, вне средств массовой информации, но вообще вне всякой общественной жизни. Да и саму Русскую Православную Церковь в советской стране метко называли «внутренней границей»¹. Её внутренняя свобода не отличалась от независимости жителей осаждённой крепости!

Что касается свободы церковных историков в пределах их «внутренней автономии», то и она была жестко ограничена диктатом условий, созданных партийно-государственной администрацией. Власть сделала всё, чтобы научное сообщество в духовных учебных заведениях возникнуть не смогло. Число церковных историков попросту было мизерным, и не дотягивало до необходимой «критической массы». Не было печатного органа, публикации которого могли бы стимулировать развитие исторических исследований. Единственное церковное периодическое издание — Журнал Московской Патриархии едва справлялся с информационной функцией. Журнал распространялся исключительно среди священников, и главной его задачей была помощь проповедникам. Но и в этих условиях в Журнале ежемесячно публиковались материалы «Богословского отдела», и в том числе на церковно-исторические темы.

Так что, в 70-х — 80-х годах если и могли возникнуть зачатки церковного медиевистского сообщества, то — вокруг главного редактора Журнала Московской Патриархии митрополита Питирима (Нечаева, 1926–2003), возглавлявшего также редколлегия ежегодника «Богословские труды» и являвшегося профессором Московской Духовной Академии и заведующего «Богословским отделом» Журнала архимандрита Иннокентия (Просвирнина, 1940–1994)², который также входил в профессорскую корпорацию той же академии.

Для студентов и аспирантов, писавших диссертации в духовных академиях, роль «научного сообщества» выполняла тогда библиотека, точнее, хранившаяся в ней литература. Наряду с дореволюционными изданиями там имелись машинописные экземпляры диссертаций предшественников. То есть, академическая

библиотека не только вводила студентов в круг источников и исследовательской классики, но стимулировала их собственную научную работу. Учёный труд был нацелен на библиотечную «публикацию», какую-никакую, а всё же, обозначающую «передний край» науки. Библиотека сделалась почти легальным органом «самиздата», а её аккуратно обновляемые каталоги — путеводителем по содержанию учёных трудов.

Что касается литературы, изданной на Западе, например, тех же «Путей русского богословия» протоиерея Георгия Флоровского, то в открытом доступе её не было, как не было и в картотеках. Студенты, тем не менее, друг от друга узнавали, что если в окошке выдачи книг шёпотом попросить, то сотрудницы библиотеки на пару часов выдадут подобные издания. Кстати, в Государственной библиотеке имени Ленина ситуация со сходной литературой была ещё хуже. Все западные издания там находились в «спецхране» (специальном хранении), допуск на пользование спецхраном выдавался только по письму очень серьёзных государственных организаций.

Где в советской медиевистике «внутренняя» альтернатива смыкалась с «внешней»

Теоретически любой советский историк помимо официальной науки мог, разумеется, для себя лично заниматься альтернативной церковной тематикой. Но при этом работать он должен был «в стол». У него не было ни малейшего шанса опубликовать свой труд, поскольку перекрыты полностью были не только официальные советские каналы, но и чудосочные церковные. Что касается «самиздата», то в силу научной специфики, подобный труд едва ли бы заинтересовал распространителей «посадной» литературы.

Особую значимость в связи с этим приобретает историко-археографическое исследование «Просветителя», предпринятое в 70-х годах Зоей Александровной Огрызко (1901–1983), в то время сотрудницей Государственного Исторического Музея. В учёном мире она известна, в частности, книгой «Из истории крестьянства на севере феодальной России XVII века», выпущенной в 1968 г.³

В начале 1980-х годов мне, тогда студенту Московской Духовной Академии, довелось сотрудничать в Журнале Московской Патриархии. В 1981 г. в рамках семестровой академической работы мне понадобилось заняться изучением «Просветителя» преподобного Иосифа Волоцкого. Заведующий богословским отделом Журнала, архимандрит (тогда ещё игумен) Иннокентий (Просвирнин), достал откуда-то с полки машинопись и многозначительно дал познакомиться. Это было археографическое исследование «Просветителя», сделанное З.А. Огрызко. Разумеется, неопубликованное, и в то время не имевшее ни малейшего шанса на выход в свет.

У Зои Александровны были дружественные отношения с отцом Иннокентием⁴ и, насколько я могу судить, это исследование она провела по его просьбе без всякой надежды на публикацию своего «неконъюнктурного» труда. Через два года Зоя Александровна умерла († 1983) в возрасте восьмидесяти двух лет, а спустя десяток лет в мир иной отошёл и отец Иннокентий († 1994), не дожив и до пятидесяти пяти. К сожалению, мне не известна дальнейшая судьба

этого исследования, да и находилось оно в моих руках совсем короткое время. Тем не менее, свой долг я вижу в том, чтобы изложить выводы З.А. Огрызко, хотя бы по выпискам, сделанным мною тогда. Интерес они представляют уже потому, что идут вразрез с наиболее распространёнными выводами, аргументированными Я.С. Лурье и их развитием современными археографами.

Краткая и пространная редакция «Просветителя»

Научное издание «Просветителя» было выполнено Казанской духовной академией ещё в 1855 г., но и на долю советских историков осталось немало археографических загадок. Главная интрига — две редакции «Просветителя», краткая в 11, и пространная в 16 Слов. С этим вопросом столкнулись ещё казанские издатели, отметившие, что сперва появились или, по крайней мере, стали известными только первые 11 Слов⁵.

Пять последних Слов Пространной редакции «Просветителя» сделали главной причиной неослабевающего интереса к этой книге историков на протяжении уже больше столетия. Несмотря на то, что полемические заявления последней части «Просветителя» аргументированы Священным Писанием и учением Отцов Церкви, эту группу Слов нельзя считать богословским произведением. Это — публицистический отзыв на общегосударственные и церковные проблемы, несколько не касающийся доказательств истин вероучения. В пяти Словах дано нравственное обоснование государственным мерам борьбы с ересью. Они могли быть написаны лишь после того, как распространившаяся ересь сделалась реально опасным антиобщественным явлением.

Слова «Просветителя», в основном начиная с тринадцатого, вызывали особые нападки либеральных историков ещё во второй половине XIX в. В нём приведены свидетельства Писания, святых отцов и христианской истории в пользу наказания еретиков как государственных преступников. Автор 13-го Слова, опираясь на святителя Иоанна Златоуста, подчёркивает, что при этом суд и исполнение приговора, разумеется, осуществляются не Церковью, а государством. Историк митрополит Макарий (Булгаков) настаивал, что те меры борьбы Церкви и государства с еретиками, которые обоснованы 13-м Словом, в то время ни у кого не вызывали спора. «Церковь имеет право осуждать и отлучать еретиков и отступников от общения, а гражданская власть — подвергать их гражданским наказаниям. С этим соглашались заволжские старцы, последователи преподобного Нила Сорского, историками XIX века названные „нестяжателями“. Среди них и князь-старец Вассиан Косой (ок. 1470 — после 1531), в иных вопросах оппонировавший преподобному Иосифу. Не сомневался в этом и Иван III, который в 1488 г. предал казни первых еретиков, присланных архиепископом Геннадием и осужденных собором епископов»⁶.

Исследователи, начинавшие в середине XIX в. историко-литературное изучение «Просветителя», пришли к заключению, что его первые 11 Слов были написаны между I и II соборами против еретиков (1491–1504), сразу после того, как архиепископ Геннадий Новгородский обратился к преподобному Иосифу с призывом бороться с ересью⁷. Подтвердили это и советские археографы⁸.

Что касается пяти последних Слов шестнадцатисловной редакции, то спор о них до сих пор не завершён. На сегодняшний день более всего распространено представление, что они были включены преподобным Иосифом в сборник не ранее 1510–1511 гг. Н.А. Казакова и Я.С. Лурье аргументировали это тем, что 12-е Слово имеет значительные текстологические совпадения с Посланием И.И. Третьякову, датируемому декабрём 1510 — январём 1511⁹.

Современный исследователь А.И. Алексеев придерживается мнения, что в период от 90-х годов XV в. до 1502 г. «Просветитель» существовал уже в объеме не менее, чем 13 Слов¹⁰. Не позднее, чем летом 1504 по его мнению появились 12-е и 14-е Слова, поскольку они имеют текстологические совпадения с Посланием архимандриту Митрофану, датированному именно этим временем. 15-е и 16-е Слова «Просветителя» были, соответственно, написаны в 1505 г. уже после Собора, осудившего еретиков¹¹.

У Зои Александровны Огрызко был свой взгляд на историю формирования «Пространной» редакции «Просветителя». Она соглашалась лишь с общепринятым представлением, что первые 11 Слов «Просветителя» были написаны преподобным Иосифом Волоцким между I и II соборами (1491–1504), осудившими антицерковное движение. Бесспорно также, что Волоколамского игумена к литературному труду побудил архиепископ Геннадий Новгородский, обратившийся к нему за помощью в борьбе с ересью жидовствующих¹². Что касается последних пяти Слов «Пространной» редакции, то общепринятую реконструкцию их появления в «Просветителе» З.А. Огрызко сочла неубедительной. Тот факт, что в тексте изымались и вставлялись целые куски, по её мнению, доказывает лишь многоступенчатость его создания, но вовсе не обязательно приводит к выводам, которые были сделаны¹³.

Была ли авторской Пространная редакция «Просветителя»?

Ещё казанский издатель «Просветителя» предположил, что 12–16 Слова, не затрагивающие богословских вопросов, но касающиеся лишь борьбы с еретиками, были написаны после Собора 1504 в ответ на полемику жидовствующих¹⁴. З.А. Огрызко на это смотрела куда пессимистичнее. Она аргументировала утверждение, что «Пространная» редакция появилась много позже смерти автора «Просветителя» благодаря стараниям его продолжателей.

Убедительным аргументом здесь служит то, что во всех самых ранних рукописях «Просветителя», даже состоящих из 16-ти слов, в Сказании содержится перечень лишь 11-ти Слов¹⁵. И особую важность в разрешении проблемы прижизненной редакции «Просветителя» представляет тот факт, что за год до смерти преподобного Иосифа в 1514 г. Нил Полев сделал вклад в Волоколамский монастырь — список «Просветителя» в 11 Слов¹⁶. Предположить, что в последний год жизни Волоколамского Игумена были написаны пять Слов Пространной редакции, просто невозможно!¹⁷

Что касается «Краткой редакции», то З.А. Огрызко указывает на палеографические свидетельства редакторской работы преподобного Иосифа над отдельными Словами. Так в сборнике «Епарх. 339» Слово 5-е значительно отличается от остального текста рукописи. Оно состоит из трёх тетрадей, а на

оборотной стороне последнего листа третьей тетради имеется запись: «Список Иосифов». Огрызко, исследовавшая эту рукопись, отмечает, что на протяжении 25 листов «Иосифова списка» мы встречаем вставки на полях и изменения редакторского характера (всего их 27). Между тем, на оставшихся 269 листах Сборника на полях встречаются только 63 исправления механических ошибок. Археограф допускает, что этот список 5-го Слова был рабочей рукописью писателя, хотя скорописный полуустав помет на полях не идентифицируется с известными каллиграфическими автографами Преподобного¹⁸.

В любом случае, считает З.А. Огрызко, «Сказание о новоявившейся ереси» изначально было самостоятельным произведением преподобного Иосифа, а краткий вариант «Просветителя» появился лишь после того как перечень рекомендуемых для чтения Слов был помещён в «Сказании». История ереси в нём обрывается перед Собором 1504 года, следовательно, где-то около этого времени и было написано историческое «Сказание». Во всяком случае, не раньше упоминания Феодора Курицына 1502 года, когда все 11 Слов «на новоявившуюся ересь» уже существовали¹⁹.

Что касается Пространной 16-словной редакции, то её появление З.А. Огрызко объясняет бережным собиранием последователями и учениками Преподобного его богословского наследия. Наиболее ранние списки Пространной редакции (Сборник ГИМ, Епарх., 339) появляются в Волоколамском монастыре только в 40-х годах XVI в. В этом убеждает палеографический анализ бумаги первых 20 листов. В пользу этого же свидетельствует тот факт, что самые первые списки Пространной редакции были составлены из различных тетрадей с отдельными Словами, или группами Слов, например, 6-е и 7-е²⁰.

Палеографические наблюдения хорошо согласуются с записью в предисловии к Сборнику, переписанному игуменом Волоколамского монастыря Евфимием Турковым (1575–1587): «...и завещания отец наших начальников и учителей преподобного Иосифа и учеников его... и аз окаянный и последний во иноцех и снискал, еже Бог в руке мои вложи воедино совокупих и главы написях». Как видим, трудно сказать яснее, чем автор записи, засвидетельствованной Евфимием Турковым. Разыскав разрозненные записи поучений преподобного Иосифа, он собрал их и разбил на главы, то есть редакторски обработал²¹.

Почему либеральную интеллигенцию XIX века так возмутил «Просветитель»

В 60-е годы XIX в., когда «Просветитель» сделался достоянием научной общественности, историко-критический метод ещё не ставил задачи «понимания» истории изнутри. Исследователи, как и широкая публика, на исторические факты смотрели через призму собственных социальных проблем. Именно этим только и можно объяснить то, какое возмущение либеральных историков вызвали 14-е и 16-е Слова «Пространной» редакции «Просветителя». Отзвуки их эмоциональной реакции можно найти всюду и в том числе у историка Русской Церкви митрополита Макария (Булгакова)²². «Орден» русской интеллигенции пришёл в негодование от требований «осифлян» всем православным «старательно розыскивать еретиков», и что «не следует принимать еретиков, покаявшихся после осуждения».

Сегодня нам хорошо понятна суть этого конфликта двух эпох, как понятна и его «ненаучность». Либеральные историки XIX века не замечали, что события трехсотлетней давности оценивают по критериям их собственной современности. Или они попросту не считали нужным рассматривать их как-то по-другому. Вместо того чтобы войти внутрь «герменевтического круга» рубежа XV–XVI веков, сжиться с эпохой, сопережить ей, приблизить себя к её пониманию, они, напротив, «модернизировали», осовременивали изучаемую историю.

В эпоху собирателя Русских земель великого князя Ивана III (конец XV — начало XVI вв.) церковная и социальная деятельность Волоколамского игумена, как известно, способствовала возвышению Московского княжества и централизации русского государства. То есть, преподобный Иосиф содействовал укреплению самодержавия и Великоросской государственности. Ещё митрополит Макарий в своё время обращал внимание на то, что меры, предпринятые Церковью и государством против еретиков, обоснованные 13-м Словом, ни у кого не вызывали возражений: «Церковь имеет право осуждать и отлучать еретиков и отступников, а гражданская власть — подвергать их гражданским наказаниям»²³. В 1488 г. Иван III предал казни первых еретиков, присланных архиепископом Геннадием и осужденных собором епископов. С жесткостью этих мер, подчёркивал митрополит Макарий, вполне соглашались также заволжские старцы-«нестяжатели», в том числе князь Вассиан Косой, принявший монашество²⁴.

Прямо противоположным настроением жила интеллектуальная элита России — «интеллигенция» — во второй половине XIX в. Она приобрела черты средневекового ордена, члены которого остро ощущали своё социальное мессианство. С одной стороны ими двигала жертвенность, готовность служить отечеству и гражданская ответственность. С другой — осознание себя носителем общественной совести. Интеллигенция взрастила либеральные идеалы, основной ценностью которых была свобода личности. Главную угрозу личности с подобной точки зрения составляет тоталитаризм, сильная государственная власть, которая нагружает человека обязанностями и, поэтому, неизбежно покушается на его права и даже свободу. Социальная критика, которую вела интеллигенция, в конечном итоге, была направлена против «царизма» в целом.

Либеральные историки, исповедовавшие приоритет личного над общественным, в Волоцком игумене сразу же распознали чужака. Даже митрополит Макарий (Булгаков) оказался под влиянием той идейной атмосферы. Он был уверен, что «Пространная редакция» целиком принадлежит перу преподобного Иосифа. Поэтому, как бы извиняясь, требования 14-го и 16-го Слова он осторожно называл личным взглядом Волоколамского Игумена. Как уже говорилось, среди археографов есть категорически отрицающие авторство преподобного Иосифа по отношению к 12-му — 16-му Словам «Пространной» редакции, в частности, Э.А. Огрызко. Но, в любом случае, «извинения» церковного историка всё равно излишни хотя бы потому, что общественно-государственные мероприятия одной эпохи совершенно не корректно оценивать в свете мировоззрения совсем другой эпохи.

Археография Пространной редакции

Пять последних слов «Просветителя», относящихся к Пространной редакции, нельзя считать произведением преподобного Иосифа Волоцкого. Таково, по крайней мере, утверждение археографа З.А. Огрызко. Приведём её аргументацию, основанную на многолетнем исследовании рукописей основных источников.

Среди перечисления заблуждений еретиков в «Сказании» не упомянут ни один из вопросов, которые решают пять последних Слов²⁵. Значит, они появились, когда сборник в 11 Слов, подытоженный «Сказанием», уже был завершён. Правда в одном из ранних списков (ГПБ Сол. № 345 (326)) в «Сказании» имеется вставка о претензии еретиков на действительность их проклятия. Вставка заметно разрывает мысль повествования: «Они же не престаху обличающе...». Становится непонятно, кто они, — «неведящей же Божественного Писания»? (последнее предложение вставки) — или те, кто подвизается об искоренении ереси? (из фразы перед вставкой)²⁶.

З.А. Огрызко отмечает загадочную судьбу 12-го Слова. Ещё казанский издатель «Просветителя» обратил внимание на то, что оно отсутствует в большинстве рукописях. Как объяснить этот факт? Издатель сделал предположение, что Слово было направлено против митрополита Зосимы, и поэтому изъято во избежание соблазнов²⁷. Такое объяснение имело бы под собой основание, если бы в 12-м Слове, в самом деле, присутствовала критика высказываний митрополита-еретика Зосимы. Более того, упоминание в «Сказании» его заявления о действительности проклятия архиерея-еретика — это поздняя вставка²⁸.

Загадку 12-го Слова З.А. Огрызко объясняет ошибкой составителя, нумеровавшего Слово «Пространной» редакции. Присоединяя к 11-ти Словам последующие, переписчик мог принять «Сказание» в качестве первого Слова, а 11-е — в качестве 12-го. Спутать было легко, поскольку в ранних списках «Просветителя» отсутствует сплошная нумерация всех Слов. Исследовательница указывает на веские подтверждения этой гипотезы. Списки более поздние, но происходящие из первоначальных (например, ГПБ ф. 771; Библиот. Епарх. № 1630; Синод. 1548), обозначают 13-е Слово — 12-м. То есть, первоначально нынешнего двенадцатого Слова вообще не было! Впервые в «Просветителе» оно появляется в списке Нифонта Корилицина (1582–1658). Именно игумен Нифонт, собирая материалы, оставшиеся после преподобного Иосифа, мог включить и это Слово, чтобы заполнить пустое место и покончить с путаницей в нумерации²⁹.

Ни у кого не вызывает сомнения, что 13-е Слово восходит к посланию преподобного Иосифа Волоцкого к Андронниковскому архимандриту Митрофану. З.А. Огрызко, однако, под вопрос поставила сам протограф³⁰. Известные его списки отличаются сложным и чрезвычайно запутанным текстом, и это не позволяет считать его подлинником. Бесспорно лишь то, что Митрофану Преподобный Иосиф направил призыв расследовать и пресечь ересь. Так что, имеющийся текст послания к Андронниковскому архимандриту не даёт оснований приписывать преподобному Иосифу требования смертной казни еретиков³¹.

Связь 14-го Слова с отдельным произведением «Слово о благомудрственном коварстве» — несомненна. Некоторые исследователи автором обоих памятников считают преподобного Иосифа. З.А. Огрызко, однако, приводит доводы против;

в первую очередь это относится к «Слову о коварством». Его текст встречается только в сборниках, составленных после кончины Преподобного. В раннем списке (ГПБ Ф 1–255, конец XVI — нач. XVII в.) слово «О коварствах» не имеет заголовка, а начинается предложением, которым закончилось 13-е Слово «Просветителя». Текст его не первоначален, имеются следы изменений, искажений и повторений, объяснимые только тем, что переписчик имел перед собой отдельные источники, но никак не объединенный авторский текст³².

Возникновение пяти последних Слов Пространной редакции Зоя Огрызко объясняет тем, что для их составления могли быть использованы отдельные послания преподобного Иосифа или записи его учеников. В 12-м Слове, например, угадываются сразу два протографа: «Послание к епископу Суздальскому Нифонту»³³ и «Послание к Н.И. Третьякову на Серапиона» (декабрь 1510, январь 1511)³⁴. Послание к Нифонту до нас дошло в двух редакциях. Обе не дают возможности судить о первоначальном тексте послания³⁵. «Послание к Третьякову» имеет характер рабочего конспекта выписок из Священного Писания. Оно составлено с целью обоснования ошибочности отлучения, которое произвел архиепископ Серапион, и не было оформлено эпистолярно³⁶.

Вклад поздних редакторов

Огрызко уверена в том, что Слова с 12-го по 16-е механически соединены из разных текстов и не являются законченными произведениями³⁷. Например, 12-е Слово, в отличие от всех предшествующих, не имеет ни славословия, ни четкого окончания, хотя бы в виде отсылки к следующему Слову (как в 6-м), или указания: «и сие убо еже о них до зде суть» (как в 8-м и 9-м, в 3-м Слове конец утерян).

Слова 13-е и 14-е по существу говорят об одном и том же, о необходимости осуждения еретиков так же, как и последующие 15-е и 16-е о неприятии покаяния еретиков. З.А. Огрызко подчеркивала, что в отличие от законченной первой группы Слов, составленной целенаправленно и последовательно, вторая группа представляет рассуждение по злободневным вопросам текущей политики, причём аморфное и внутренне несогласованное³⁸.

Механическое соединение когда-то существовавших отдельно произведений особенно заметно в 13-м Слове. В нем легко различимы две противоположные по основным мыслям части: первая — с общим выводом: еретики были наказаны лишь после того, как прельщали православных; вторая — необходимость наказания еретиков независимо от каких-либо условий. Оба вывода при этом сделаны на одних и тех же примерах³⁹.

Протограф 15-го Слова — это «Послание о соблюдении Соборного приговора 1504» преподобного Иосифа⁴⁰. З.А. Огрызко подмечает, что исторический рассказ о ереси и фактах кощунства в 15-м Слове несколько раз прерывается рассуждениями, выпадающими из темы. Так в начале Слова бросается в глаза фраза: «и даже до ныне не един же от них не покайся». Когда были написаны эти слова? Очевидно, в самом начале антиеретических мер. Есть и другие свидетельства того, что 15-е Слово составлено из частей, создававшихся в разное время. Так в середине Слова имеется отсылка к «Сказанию»: «да прочтет Слово, еже в начале сия книги написано есть». Начинается же 15-е Слово фразой: «много

убо словеса преже рекохом о новгородских еретицех». Совершенно очевидно, что отсылка к написанной книге более поздняя, чем отсылка к устным увещаниям. Между тем оба эти фрагмента помещены в одном Слове⁴¹.

Часть 16-го Слова совпадает с посланием Феодосия, что, по мнению Огрызко, «указывает на позднее его происхождение»⁴². В 16-м Слове выделяются явно самостоятельные части, не имеющие между собой целенаправленной связи. Раздел «о Божиим милосердии» и силе покаяния противоречит названию Слова «Аще и начнут каятися не принимати их покаяния и милости сподобити»⁴³.

Предшественники и наследники советских археографов

В послевоенное время XX века советская медиевистика прониклась задачей исключительно археографического и текстологического исследования памятников древнерусской письменности. Если анализ источников и находил применение в исторических реконструкциях, то, самое большее, в вопросах средневековых классовых отношений, то есть, в узко идеологических рамках. Понятно, что при таком подходе советская историческая наука не нуждалась в достижениях дореволюционной историко-литературной критики. Оценки её представителей заведомо игнорировались, или попросту не были востребованы.

Ведь уже первые историки, изучавшие труд преподобного Иосифа, высоко оценили его энциклопедичность и богословскую глубину. Одним из них был священник Н.А. Булгаков. Ещё в 60-х годах XIX в. он выразил общепринятое мнение: «в современной ему богословской литературе нет другого столь полного сочинения»⁴⁴. Да и название «Просветитель» — не авторское. Спустя почти 50 лет закрепилось оно за «Словами на еретиков» на соборе Русской Церкви 1553–1554 годов против ереси Матвея Башкина и Феодосия Косого. Главный обвинитель ереси инок Зиновий все свои аргументы черпал из этой книги. С изумлением сравнивал священник Н.А. Булгаков «Просветитель» с трудами своих современников, аналогичными по задачам: «И в настоящих наших догматиках используются не все места Священного Писания и учения Отцов Церкви, которые приводил преподобный Иосиф»⁴⁵.

Сегодня, оглядываясь назад, мы можем говорить не только о сменившихся поколениях учёных, но, по меньшей мере, о двух парадигмах исторической науки господствовавших в недавнем прошлом. В 70–80-х годах XX в. эстафету переняла уже третья — герменевтическая парадигма изучения памятников мысли. Разумеется, она не вытеснила из исторических исследований предыдущие. Тем не менее, магистральной сделалась задача понимания того главного сообщения, ради которого и были составлены изучаемые памятники. Понятно, что для герменевтической задачи в высшей степени востребованными остаются данные, полученные внутри предыдущих парадигм исторической науки.

Что касается советской «археографической парадигмы», то её вообще нельзя считать самостоятельной. Это скорее бегство, уход в «технические» детали от brutальных рамок «классовой борьбы», в которые историков втиснул советский исторический материализм. В отношении непосредственно «Просветителя» преподобного Иосифа Волоцкого приходится констатировать, что

в его изучении неоправданно надолго задержалась первая, историко-критическая парадигма, внутри которой и начиналось изучение этого памятника. В науке давно уже воцарилось понимание ограниченности исторической критики, а исследователи творений преподобного Иосифа Волоцкого продолжают повторять выводы, сделанные в середине XIX в., когда об этом ещё никто не задумывался.

В целом приходится признать, что для исследований «Просветителя» герменевтическая эра до сих пор по-настоящему ещё не наступила.

Примечания

¹ Подробнее см.: Дронов Михаил, *прот.* Главный редактор. Воспоминания очевидца // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 8. С. 88.

² Подробнее см.: Там же. 2011. № 8. С. 82–89; № 9. С. 84–89.

³ Огрызко З.А. Из истории крестьянства на севере феодальной России XVII в.: особые формы крепостной зависимости / Министерство Культуры РСФСР, Государственный Исторический Музей. 1968.

⁴ Подробнее о её частном сотрудничестве с архимандритом Иннокентием: Вячеслав Огрызко. В поисках утраченного. История третья: московские находки. — <http://www.litrossia.ru/archive/39/history/913.php>

⁵ Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, Игумена Волоцкого. Изд 2-е. Казань, 1882. С. 11.

⁶ Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. Преподобный Иосиф Волоцкий в его «Просветителе» // Христанское чтение. 1871. № 10. С. 526.

⁷ Булгаков Н.А., священник. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865. С. 98–99.

⁸ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — нач. XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 100.

⁹ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — нач. XVI веков. М.; Л., 1955. С. 423. Примеч. 3; Послания Иосифа Волоцкого. 1959. С. 270.

¹⁰ Алексеев А.И. О «Просветителе» и посланиях Иосифа Волоцкого // ВЦИ. 2008. № 2(10). С. 127–132.

¹¹ Там же. С. 179.

¹² Булгаков Н.А., священник. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865. С. 98–99. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — нач. XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 100.

¹³ Огрызко З.А. Археографическое исследование «Просветителя». На правах рукописи. Издательский отдел Московского Патриархата. С. 6, 7.

¹⁴ Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, Игумена Волоцкого. Изд. 2-е. Казань. 1882. Предисловие. С. 11.

¹⁵ Огрызко З.А. Археографическое исследование... С. 33.

¹⁶ Сборник ГПБ Солов. № 346/326.

¹⁷ Огрызко З.А. Археографическое исследование... С. 6.

¹⁸ Там же. С. 16–18.

¹⁹ Там же. С. 22.

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ Там же. С. 10.

²² *Макарий, архиепископ Литовский и Виленский*. Преподобный Иосиф Волоцкий в его «Просветителе» // Христанское чтение. 1871. № 10. С. 527.

²³ Там же. С. 526.

²⁴ Там же. С. 526.

²⁵ Там же. С. 56.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, Игумена Волоцкого. Издание второе. Казань. 1882. Предисловие. С. 9.

²⁸ *Огрызко Э.А.* Археографическое исследование... С. 38.

²⁹ Там же. С. 40–41.

³⁰ *Булгаков Н.А., священник*. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865. С. 97.

³¹ *Огрызко Э.А.* Археографическое исследование... С. 75.

³² Там же. С. 46–47.

³³ Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, Игумена Волоцкого. Издание второе. Казань. 1882. Предисловие. С. 10; *Хрущов*. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб. С. 161–162.

³⁴ *Огрызко Э.А.* Археографическое исследование... С. 39.

³⁵ Там же. С. 66–67.

³⁶ Там же. С. 39.

³⁷ Там же. С. 56.

³⁸ Там же. С. 34.

³⁹ Там же. С. 41–45.

⁴⁰ Там же. С. 58; *Хрущов*. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб. С. 97; *Булгаков Н.А., священник*. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865. С. 97.

⁴¹ *Огрызко Э.А.* Археографическое исследование... С. 51.

⁴² Там же. С. 55.

⁴³ Там же. С. 34.

⁴⁴ *Булгаков Н.А., священник*. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865. С. 132.

⁴⁵ Там же. С. 144.